

УДК 94:323 (470)

Б.Р. Рахимзянов

Показатели антагонизма и неравноправия между Москвой и татарским миром

Статья посвящена некоторым нюансам политических взаимоотношений татарского мира и Москвы в XV–XVI вв.

Ключевые слова: Московское государство, Золотая Орда, татарские ханства.

Обозрение московско-ордынских отношений XV–XVI вв. привело меня к мысли о невозможности полного разделения политических культур поздней Золотой Орды и Москвы, об органической включенности московской политической истории в позднезолотоордынскую. В отношениях Московского государства с татарским миром постоянно сосуществовали две разные линии: агрессивная, характеризовавшаяся стремлением к военному захвату, и прагматическая, гибкая, для которой было характерно желание обеспечить стабильность в зависимых от Московского государства регионах методами сотрудничества с татарской элитой (Каппелер, 2003, с. 130).

При этом между Москвой и татарскими государствами присутствовали и элементы неравноправия, и вытекающий из этого неравноправия антагонизм. Главный показатель антагонизма – постоянные военные конфликты между сторонами. Эдвард Кинан вряд ли был прав, говоря о том, что военные конфликты были скорее исключением из правил, не нарушая в целом мирного течения отношений (Keenan, 1967). Они именно нарушали его, причем постоянно, на протяжении всего изучаемого периода. Характерно, что именно в XV – XVI вв. отказ от борьбы с татарами начал восприниматься русскими как недостойный поступок, и вместе с этим новым восприятием подверглось «пересмотру и редакции» и поведение исторических лиц – героев летописей (Зайцев, 2004, с. 189).

Дипломатические реалии татарского мира в отношениях с «неверными» очень выразительно были охарактеризованы последним верховным сеидом Казанского ханства Кул-Шарифом (Шерефи Хаджитархани), на деле знавшего не только практику, но и теорию дипломатии. Он писал о связях Казани с Московским государством: «В соответствии с необходимостью эпохи, в целях обеспечения богатства и благополучия страны (Казанского ханства. – Б.Р.), спокойствия и безопасности народа, для обеспечения мира правители прекрасного города Казани *прикидывались* друзьями, обменивались послами и государственными людьми (с Москвой. – Б.Р.)» и, далее, приводил двустичье: «Спокойствие мира зиждется на понимании смысла этих двух слов: Быть верным с друзьями и *притворно равнодушным с врагами*» (Шерифи Хаджитархани, 1995, с. 83–92). Также верховный сеид счел нужным привести поговорку по поводу соседства Казани с Московским государством: «Не будь рядом с *плохим*».

Правители Казани именно «прикидывались», но *не являлись* друзьями Москве; русские-московиты были для них ни кем иным, как «*врагами*», а само Московское государство – политический сосед – «*плохим*». Очень яркие и исчерпывающие характеристики. Безусловно, любой взгляд субъективен, а взгляд высшего духовного лица на отношения с «неверными» – субъективен в сто раз сильнее; однако, как мне кажется, данный подход отражает политические реалии тех отношений вполне предметно. То же самое можно сказать об отношении к татарам со стороны Москвы; данная точка зрения нашла свое отражение в таких же субъективных, как и произведение сеида, русских летописях.

То, что эти тексты – продукт культуры духовенства, в данном случае не искажает сути политической ситуации, изложенной в них; она лишь показана в данных источниках в «концентрированном» виде, утрированно и гиперболизировано, но, по сути, верно. Тексты, произведенные духовными лицами, дают суть, внутреннее содержание, «скелет» московско-татарских отношений; «мясо» же, «мышцы» этих отношений проявляются в светских текстах. Но ядро ситуации проглядывает и сквозь завесу светских источников.

«Единство и борьбу противоположностей» всей этой схемы хорошо показывают отрывки из дипломатической переписки, к примеру, между Москвой и Ногаями от 1576 г. Разбирая дело о «бесчестье» над российскими послами в Ногайскую Орду, Иван IV писал бию Дин-Ахмеду: «Тин-

баи мирза нашего сына боярского Офонася Бартенева, а сын твои Урмагмед мирза нашего сына боярского Бориса Навалкина, которые к ним были посланы от нас с нашим жалованьем в послех, безчестили и грабили, **и пошлину девять имали**, и людем своим пошлину имати велели, чего при тебе и при отце твоём Исмаиле князе не бывало» (Посольская книга, 2003, с. 36).

Ситуация была ясна и проста: Москву и ее представителей «обесчестили» (особое возмущение, разумеется, вызвала попытка взять «девятную пошлину», восходящую своими корнями ко временам расцвета Улуса Джучи и его отношений с Русью).

При этом, «не познав своего сорома», как ни в чем ни бывало, данные ногайские мирзы прислали в Москву своих послов, как будто ничего негативного (для Москвы) в этой ситуации не произошло. Москва сетовала: «А им было за свои вины непригож послов своих к нам прислати, и они послов своих прислали».

Угрожая в воздух, что «нам было над их послы пригож по тому ж учинити безчестье, как они над нашими послы безчестье учинили», Москва, тем не менее, предпочла совершенно иной вариант поведения с Ногаями: «мы учинили по государски, как нам пригоже быти в правде и **в терпенье**, поставя с очей на очи съ их послы своих послов перед твоими и перед Урусовыми послы» (Посольская книга, 2003, с. 37).

Формально заявив, что «**мы в пошлину никому ничего не даем, ни посылаем и не выпрашиваем ничего**» (Посольская книга, 2003, с. 37–38), а также что «ныне есмя х Тинбаю мирзе и к Урмагмед мирзе потому и своих детей боярских послати **не хотели**», Москва все же «х Тинбаю и к сыну твоему Урмагмедю своих детей боярских **с своим жалованьем послали**» (Посольская книга, 2003, с. 38), правда, «для сохранения лица» заявив, что «хотим их изправленья перед собою еще посмотреть» (Посольская книга, 2003, с. 38).

Здесь можно наблюдать явные пережитки тех времен, когда татарская сторона была безусловно выше московской, и могла позволить себе, «обесчестив» московских послов, как ни в чем ни бывало требовать нового «жалованья» (согласно московской терминологии) или «пошлины» (согласно терминологии татар). И хотя к 1576 г. эти реалии, после падения двух татарских юртов, уже практически канули в лету, даже Ногаи, статус правителей которых в татарском мире всегда был ниже Чингисидов, могли себе позволить, безо всяких для себя последствий, оскорбления и ограбления послов Московского государства, которое, хотя уже и набрало военной мощи, все же еще не решалось открыто заявлять в позднезолотоордынском мире свои новоприобретенные политические претензии, и смиренно терпело («терпенье» – яркий термин источника) выходки своих бывших коллективных сюзеренов.

Москва **хотела** ответить адекватно ситуации, но **не ответила**, удовлетворившись лишь угрозами. И так было почти всегда на протяжении изучаемого периода.

Наиболее ярко неравноправие сторон проявлялось через соотношение статусов правителей. Как известно, в системе, к которой великое княжество Московское (Владимирское) принадлежало на протяжении трехсот лет, единственным обладателем харизмы правителя была династия Чингисхана. Московский правитель к ней не принадлежал и потому имел ранг очевидно более низкий, чем ханы Крыма, Астрахани и Казани.

Ступенькой ниже располагались беклярибеки при хане, или улугбеки, или «амир ал-умара» – «князи князей» русских источников (наиболее известные из них – Мамай и Едигей); они были одними из нескольких карача-беков – «князей» русских источников. Именно к статусу беклярибека – первого из карача-беков – «князю князей», или «великому князю» – приравнивали статус московского великого князя. Он был *условно* равен статусу ногайского бия (который всегда являлся беклярибеком при каком-либо марионеточном хане у Ногаев). Однако с учетом того факта, что предки ногайского правителя являлись представителями стороны-завоевателя в отношениях Орды и Руси, ногайский бий стоял все же выше правителя Московии.

Полагаю, исходя из факта завоевания главы любого наследника Улуса Джучи, включая Ногаев, в политической иерархии позднезолотоордынского мира стояли выше московского правителя (по крайней мере, в понимании представителей татарского мира). Москва также это знала и четко осознавала, но иногда пыталась представить дело иначе. Однако именно вышеприведенная трактовка позднезолотоордынской политической иерархии «витают туманом» во всей дипломатической документации периода. Наиболее ярко, естественно, это проявлялось в отношениях с Крымом, как с основным наследником Улуса Джучи после 1502 г. Это проявляется в неявной форме, «в проговорках», вскользь, так как и для Москвы, и для татарского мира это было столь очевидно, что заяв-

лять об этом значило бы примерно то же самое, что сейчас постоянно повторять таблицу умножения.

Московский посол боярин Иван Мамонов от имени крымского князя Аппака сообщал своему правителю в 1516 г.: «А на Литовскую землю на се лето царю (крымскому хану. – *Б.Р.*) рати своей не послати того дея, что князь великий (московский великий князь. – *Б.Р.*) на сю весну царю рати не дал на Асторокань, а царю велит рать послати на Литовскую землю, *ино князь великий боле, или царь боле?* (курсив мой. – *Б.Р.*)» (Сборник РИО, 1895, с. 287), такой риторический вопрос задавал послу крымский вельможа. Вопрос был именно риторическим для обеих сторон, поэтому этим аргументом и «бил» Аппак. Таких примеров можно привести множество.

Московское государство являлось одной из активных сторон, вовлеченных в сложную систему межгосударственных отношений, складывавшуюся в Восточной Европе со второй половины XV в. Я намеренно воздержусь от выводов по данной статье – читатель может сделать их сам. Несомненно одно – политические условия XV–XVI вв. определяли вынужденное, но очень тесное сотрудничество между всеми государствами, входившими в свое время на тех или иных условиях в Улус Джучи.

ЛИТЕРАТУРА

Зайцев И.В. Татары и русские друг о друге: sine ira et studio // Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (нач. XV – пер. пол. XVI вв.). М., 2004. С.187–204.

Каппелер А. Две традиции в отношениях России к мусульманским народам Российской империи // Отечественная история. 2003. № 2. С. 129–135.

Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1576 г.) / Подг. к печ., введ. и коммент. В.В. Трепавлова. М.: ИРИ РАН, 2003. 93 с.

Сборник императорского Русского исторического общества (Сборник РИО). СПб., 1895. Т.95.

Шерифи Хаджитархани, 1995 – Шерифи Хаджитархани. Зафер наме-и Вилайет-и Казан // Гасырлар авазы = Эхо веков. 1995. Май. С. 83–92. См. также: [Электронный ресурс] URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/1995_may/04/3/ (дата обращения: 01.02.2012)

Keenan, 1967 – Keenan E. Muscovy and Kazan: Some Introductory Remarks on the Patterns of Steppe Diplomacy // Slavic Review. 1967. Vol.26. N 4. P. 548–558.

Б.Р. Рәхимжанов

МӘСКӘУ ҺӘМ ТАТАР ДӨНЬЯСЫ АРАСЫНДА ТИГЕЗСЕЗЛЕК ҺӘМ АНТАГОНИЗМ КҮРСӘТКЕЧЛӘРЕ

Мәкалә XV–XVI гасырлардагы татар дөньясы һәм Мәскәу арасындагы кайбер сәяси үзара мөнәсәбәтләрнең үзенчәлекләренә багышлана

Ачык сүзләр: Мәскәу дәүләте, Алтын Урда, татар ханлыклары.

B.R. Rakhimzyanov

THE INDICATORS OF ANTAGONISM AND INEQUALITY BETWEEN MUSCOVY AND THE TATAR WORLD

The article is devoted to some nuances of political relations between the Tatar world and Muscovy during the fifteenth and sixteenth centuries.

Keywords: Muscovy, Golden Horde, Tatar khanates.

Сведения об авторе

Рахимзянов Булат Раимович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань). E-mail bulatraim@mail.ru

Рәхимжанов Булат Раим улы – тарих фәннәре кандидаты Татарстан Фәннәр академиясенең Ш. Мәр-жани исемдәге Тарих институтының өлкән фәнни хезмәткәре (Казан шәһәре).

Rakhimzyanov Bulat Raimovich – Cand. Sci. (History), Senior Scholarly Researcher of Sh.Marjani Institute of History of the Academy of Science of the Republic of Tatarstan (Kazan).